

на это. Это предположеніе возбудило во мнѣ желаніе показать ему, что его едва замѣтная насмѣшливая улыбка неумѣстна въ данномъ случаѣ, и когда я, послѣ многократныхъ просьбъ его, сѣла за рояль, я рѣшила показать ему мою игру въ наилучшемъ свѣтѣ; и это мнѣ удалось. Я сыграла полонезъ Шопена и исполнила эту вещицу «вполнѣ удовлетворительно», какъ обыкновенно говорилъ мой учитель-нѣмецъ, когда хотѣлъ выразить мнѣ наибольшую похвалу. Позднышеву, видно, понравилась моя игра, потому что онъ съ самымъ серьезнымъ видомъ поблагодарилъ меня за исполненіе и попросилъ сыграть ему еще что-нибудь. Когда же я сыграла послѣ этого одну изъ «пѣсенъ Мендельсона безъ словъ», онъ пришелъ въ такой искренній восторгъ, что я принуждена была повторить эту вещь. За игрой я слышала, какъ мама, обращаясь къ Позднышеву, выражала ему свое удивленіе по поводу того, что онъ, человѣкъ бывалый и пожившій, можетъ такъ сильно поддаваться обаянію подобной нѣжной и меланхолической музыки.

— Почему бы и нѣтъ, сударыня?—возразилъ Позднышевъ: именно на насъ, этихъ *mauvais sujets*, все чистое, въ какомъ бы видѣ оно ни было, дѣйствуетъ съ неотразимой силой; все равно, будь это нѣжная мелодія, или красивое лицо, или то и другое вмѣстѣ, какъ въ данномъ случаѣ.»

Я не слыхала, что отвѣтила ему мама, по-